

высокую температуру безъ всякаго вреда для себя. Къ счастью, бактерія ботулизма встрѣчается очень рѣдко.

Первое условіе всякой профилактики противъ отравленія, это безусловная чистота. Чистота и умѣренность—два фактора, которые сводятъ почти къ нулю всякую опасность отравленія.

III. Литература и печать.

Чикагская эпопея.— Что намъ читать?

Чикагская эпопея и „Джунгли“, романъ У. Синклера. Въ промышленности и торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ Чикаго занимаетъ видное мѣсто. Славу ему создали: анархисты, ужасный пожаръ, послѣ котораго городъ снова явился обновленнымъ, нравственная порча его муниципалитета, лихоимство полицейскихъ и, наконецъ, его бойни и фабрики консервовъ.

Всѣ, кто побывалъ на чикагскихъ бойняхъ, говорятъ объ изумительной организаціи дѣла, объ утилизаціи всѣхъ продуктовъ и остатковъ.

Видъ свиньи, исчезающей въ воротахъ фабрики и затѣмъ являющейся на другомъ концѣ зданія уже въ формѣ окороковъ, колбасъ, сала, наполняетъ душу обозрѣвателя удивленіемъ передъ быстротою и стройностью превращенія.

Но Соединенные Штаты— страна неожиданностей.

Въ концѣ мая 1906 г. телеграммы изъ Нью-Йорка отъѣтили шумъ, вызванный статьями ежедневной прессы касательно условій, въ какихъ находятся чикагскія бойни и фабрики консервовъ: подробности были возмутительны; подъ вліяніемъ разоблаченій пропалъ всякій аппетитъ къ предметамъ производства бычьяго треста. Надо знать, что Чикаго является центромъ снабженія пищевыми продуктами не только Америки, но и Стараго Свѣта.

Президентъ Рузвельтъ командировалъ въ Чикаго двухъ уполномоченныхъ для того, чтобы лично и непосредственно собрать нужныя свѣдѣнія.

Среди факторовъ, наиболѣе повліявшихъ на общественное мнѣніе, надо отъѣтить романъ Уптона Синклера «Джунгли», первое изданіе котораго появилось въ мартѣ 1906 г. Рѣдко на долю автора выпадало такое чувство удовлетворенія, какое испыталъ Синклеръ.

Нѣсколько словъ объ авторѣ, являющемъ собою оригинальный типъ американскаго журналиста. Уптонъ Синклеръ провелъ свои первые годы въ Нью-Йоркѣ. Съ пятнадцати лѣтъ, чтобы заработать себѣ на хлѣбъ, онъ началъ писать дѣтскіе рассказы, составлялъ серіи эпиграммъ, остроу, шутокъ. Бѣдность преграждала путь вдохновенію. Онъ садился за работу на зарѣ и прекращалъ ее только ночью. Свои рѣдкіе досуги онъ употреблялъ на атлетическія упражненія или на экскурсіи на парусной лодкѣ по нью-іоркскому рейду. Скопивъ малую толику деньжонокъ, онъ слушалъ курсы въ колледжѣ, а затѣмъ въ университетѣ Ко-

лумбии. То онъ исполнялся энтузіазма къ наукамъ, то безумно увлекался поэзіей. Но томикъ стиховъ, изданныхъ имъ въ эту эпоху, прошелъ незамѣченнымъ. По совѣту одного родственника, смотрѣвшаго на жизнь съ практической точки зрѣнія, онъ занялъ въ какой-то лавкѣ мѣсто приказчика, но въ концѣ первой же недѣли ушелъ оттуда. На деньги, заработанные за эти шесть дней, онъ купилъ скрипку и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ доводилъ до отчаянія своихъ сосѣдей упорнымъ остервенѣніемъ, съ какимъ онъ пилилъ на своемъ инструментѣ. Скрипка надоѣла, и Синклеръ ударился въ журналистику. Статья объ испано-американской войнѣ обратила было на него вниманіе, но фортуна, коснувшись слегка его крыльями, снова укатила на своей колесницѣ. Синклеръ тогда задумалъ написать большой американскій романъ. Онъ отправился въ Канаду искать сюжета. Четыре года онъ провелъ въ приключеніяхъ: разъ онъ едва не погибъ отъ наводненія; другой разъ его чуть не растерзалъ медвѣдь, и еще разъ онъ едва ушелъ отъ разбойника. Произведенія, которыя касаются его путешествій по Канадѣ, полны горечи и обнаруживаютъ преждевременное разочарованіе. Къ тому же они не обогатили ни издателя, ни автора. Слава, извѣстность, богатство пришли неожиданно. Въ одинъ прекрасный день Синклеръ понялъ, что сюжетъ его большого американскаго романа у него въ рукахъ.

Дѣйствіе романа происходитъ въ Чикаго, а предметъ трактованія — фабрикація консервовъ. Онъ во всей наготѣ обнажаетъ тѣ ужасныя условія, которыя создалъ бычій трестъ въ Пэккингтоунѣ (вымышленное названіе города, гдѣ происходитъ дѣйствіе) и которыя «товарищъ» Синклеръ, въ качествѣ социалиста-революціонера, осуждаетъ всѣмъ своимъ существомъ.

Въ «Джунгляхъ» дѣло идетъ не только объ изумительной грязи и нечистоплотныхъ пріемахъ, практикуемыхъ при производствѣ консервовъ, — книга трактуетъ и о другихъ вопросахъ: авторъ проводитъ тенденціи социализма. Если, съ одной стороны, онъ вводитъ читателя въ обстановку боенъ, кабаковъ, тюремъ, домовъ съ дурной репутаціей, стачекъ, если онъ выставляетъ напоказъ всю мерзость большого города, то, съ другой стороны, онъ рисуетъ низвія побужденія администраціи, развращенной и развращающей, вводитъ въ среду тѣхъ, которые желаютъ улучшить и реформировать общество.

Персонажи романа принадлежатъ къ классу эмигрантовъ, рѣшившихся порвать связь съ своей родной землей, руководствуясь сомнительными разказами объ ихъ землякахъ, разбогатѣвшихъ въ Америкѣ. Что-то трагическое заключается въ этой эмиграціи несчастныхъ поляковъ, которые бѣгутъ отъ голода и нищеты изъ Европы и которые встрѣчаютъ и то, и другое въ Соединенныхъ Штатахъ, но въ болѣе ужасной, болѣе интенсивной формѣ.

Рѣчь идетъ о литовскомъ землекопѣ, не знающемъ никакого ремесла, вмѣсто денегъ могущемъ предложить лишь свою физическую силу; его сопровождаютъ старикъ отецъ и родственники, изъ которыхъ одна — вдова съ кучей ребятъ, потомъ кузина и еще знакомая семья. Всѣ они отправляются въ Нью-Йоркъ, распродавъ все, что имѣли въ Европѣ, на нѣсколько сотъ рублей; никто изъ нихъ не знаетъ ни слова по-английски, кромѣ имени города Чикаго. Они слышали, будто одинъ изъ ихъ земляковъ разбогатѣлъ въ Чикаго, поэтому-то они и рѣшили направиться

туда. По приѣздѣ въ городъ они дѣйствительно нашли своего компаніюта, который едва существовалъ бакалейной торговлей по сосѣдству съ бойнями. Подъ его руководствомъ они совершаютъ классическую прогулку по бойнямъ. Грандіозность учрежденія, наружное совершенство организациі убоя, очистки и раздѣленія тушъ, устройство холодильниковъ, утилизація остатковъ, производство консервовъ, укупорка ихъ въ жестянку, — все это вначалѣ поражаетъ посторонняго зрителя. Правда, чувствуется какой-то отвратительный запахъ, наряду съ здоровыми животными, ожидающими убоя, попадаютъ больныя и даже палыя, но общее впечатлѣніе сглаживаетъ эти детали. Правда является неприкрашенной лишь тогда, когда Жоржисъ, герой романа, самъ поступаетъ на бойню въ качествѣ бойца, когда отецъ работаетъ въ погребяхъ, гдѣ ноги постоянно погружены въ развѣдающей живое тѣло разсолъ, когда его невѣста занимается въ мастерской, гдѣ зашиваютъ окорока въ холцевыя мѣшки, и когда кузина поступаетъ въ другую мастерскую, гдѣ путемъ химической процедуры сдабриваютъ испорченное мясо.

А нравственная сторона? Развратъ и лихоимство царятъ сверху до низу. Для того, чтобы поступить въ мастерскую, нужно сдѣлать подарокъ подмастерью или надзирательницѣ; если поденщица хорошенькая, подмастерье позволяетъ себѣ вольности. Въ той мастерской, гдѣ работаетъ Она, жена Жоржиса, подмастерье состоитъ въ связи съ надзирательницей, которая содержитъ въ городѣ домъ свиданія; домъ этотъ снабжается матеріаломъ со стороны поденщицъ Пэккинптоуна. Несчастливая Она, наивная и робкая, запугана Конноромъ, подмастерьемъ, который подчиняетъ ее своимъ капризамъ. Жоржисъ открываетъ интригу, бросается на Коннора, котораго, наполовину задушеннаго, съ трудомъ удается отбить. Жоржиса связаннаго отправляютъ въ тюрьму. Послѣ десятидневнаго предварительнаго заключенія его осуждаютъ а мѣсяць принудительныхъ работъ. Авторъ знакомитъ читателя съ выборнымъ судомъ Соединенныхъ Штатовъ въ городѣ, гдѣ удивительно организована политическая система. Такъ какъ Жоржисъ не примыкаетъ ни къ одной партіи, стоитъ изолированно, судья назначаетъ ему высшую степень наказанія, тогда какъ при покровительствѣ той или другой партіи наказаніе было бы смягчено. Изъятіе на пѣлый мѣсяць главнаго работника семьи приводитъ ее къ разоренію.

Въ первые дни поселенія въ Пэккинптоунѣ, для того, чтобы сэкономить на квартирѣ нѣсколько сотенъ долларовъ, семья поддавалась соблазнительнымъ предложеніямъ агента компаніи недвижимостей, которая продаетъ дома въ уплату съ разсрочкой: триста долларовъ авансомъ, двѣнадцать долларовъ въ мѣсяць, а вы становитесь собственникомъ черезъ семь или девять лѣтъ. Домъ, заново выкрашенный, имѣетъ видъ совершенно новаго. Но агентъ компаніи не сообщилъ вамъ, что, кромѣ двѣнадцати долларовъ, надо платить проценты за оставшійся долгъ, страховыя отъ пожара, издержки на постоянный ремонтъ; если уплата не произошла въ срокъ, компанія становится владѣльцемъ недвижимости.

Это-то и случилось. Несчастливыя женщины не могли уплатить за помещеніе въ то время, когда Жоржисъ находился въ тюрьмѣ, и потеряли то, чѣмъ раньше владѣли; онѣ были вынуждены вернуться къ прежней квартирной хозяйкѣ, у которой онѣ остановились при своемъ проѣздѣ въ

Чикаго. Здѣсь-то, на антресоляхъ, Жоржисъ по выходѣ изъ тюрьмы застаётъ свою жену, умирающую въ родахъ вторымъ ребенкомъ. Сцена родовъ въ присутствіи акушерки, явившейся изъ чувства человѣколюбія за семь франковъ и нѣсколько сантимовъ, собранныхъ среди угловыхъ жильцовъ,—ужасна.

Жоржисъ поступаетъ въ лигейную мастерскую на хорошее жалованье; часть заработка онъ отдаетъ кузинѣ, взявшей на свое попеченіе его маленькаго сына Атанаса; но онъ уже началъ входить во вкусъ кабацкаго завсегдатая. Тѣмъ временемъ Атанасъ, упавъ съ тротуара въ ровъ съ водою, утонулъ, и Жоржисъ, проникшись отвращеніемъ къ городу, рѣшаетъ испытать жизнь безъ опредѣленнаго мѣстажительства, жизнь бродяги. Онъ отправляется на западъ. Наступила весна. Родившись среди широкихъ полей Европы, онъ снова находится въ обстановкѣ деревни, восхищается пределью зеленѣющихъ полей, свѣтлыхъ ручейковъ. Онъ обращается съ предложеніемъ работы къ фермерамъ. Всюду имѣется спросъ на рабочія руки за хорошее жалованье. Это—моментъ, когда американскіе скитальцы являются господами положенія, при наличности, конечно, здоровыхъ рукъ.

Жоржисъ становится поденщикомъ-земледѣльцемъ. Тяжесть работы въ теченіе недѣли вознаграждается субботними и воскресными развлечениями: карты, выпивка и пр. По словамъ Синклера, банды потаскушекъ слѣдомъ за рабочими наполняли поля, устраивались подлѣ переносныхъ шинковъ, подъ холстомъ палатокъ или въ «салонахъ» ближайшихъ городишекъ.

Зимою Жоржисъ возвращается въ Чикаго. Онъ уже утратилъ привычку къ правильному труду, пристрастился къ выпивкѣ; нѣсколько долларовъ сбереженія быстро исчезаютъ, и онъ попрошайничаетъ на улицахъ города. Однажды вечеромъ онъ встрѣчаетъ одного молодого человека, которому рассказываетъ про свою бѣду: у него нѣтъ ни одного цента; онъ дрожитъ отъ холода; онъ голоденъ. Молодой человекъ отвѣчаетъ: «Я самъ ничего не имѣю; старикъ не даетъ мнѣ того, что мнѣ надо, но я васъ могу накормить. Кликните карету». Они садятся оба, несмотря на протесты кучера, который не желаетъ впустить въ свой фіакръ оборванца. Молодой человекъ даетъ адресъ одного изъ дворцовъ, наиболее извѣстныхъ въ Чикаго. Дорогой онъ вытаскиваетъ изъ своего кармана связку билетовъ по сотни долларовъ и даетъ одинъ билетъ Жоржису. Послѣ долгаго пути они пріѣзжаютъ, звонятъ; слуги открываютъ двери, они хотятъ прогнать нищаго, но сынъ ихъ отсутствующаго хозяина заставляетъ ихъ прислуживать ему.

Жоржисъ очутился въ палатахъ г. Джонса, владѣльца фабрики консервовъ въ Пэккингтоунѣ, на которой работали наши литовцы. Жоржисъ, полупьяный, рассказываетъ объ этомъ Джонсу-младшему, который въ восторгѣ обнимаетъ сподвижника своего папаша. Жоржисъ ѣстъ за двоихъ, осушаетъ бутылку шампанскаго, но когда молодой Джонсъ засыпаетъ въ креслѣ, лакеи вышибаютъ оборванца на улицу, въ снѣгъ. У Жоржиса—ни цента въ карманѣ, но есть билетъ въ сотню долларовъ. Надо его размѣнять. Въ ночлежномъ домѣ украдутъ, въ гостиницу безъ багажа не пустятъ. Онъ заходитъ въ шинокъ и даетъ свой билетъ, чтобы заплатить за закуску; кабатчикъ даетъ сдачи 95 центовъ и кланется, что онъ получилъ только одинъ долларъ. Жоржисъ оспариваетъ

требуетъ, плачетъ, шинкаръ неумолимъ: пусть его обыщутъ, пускай ищутъ повсюду, у него нѣтъ билета въ сто долларовъ. Начинается драка, черезъ залу летятъ бутылки, Жоржисъ уже повалилъ на землю вора, какъ въ этотъ моментъ являются полисмэны, касаются своими палочками головы бродяги и отводятъ въ участокъ. Жоржисъ осужденъ магистратомъ на десять сутокъ тюремнаго заключенія. Никто не повѣрилъ въ его исторію съ билетомъ, украденнымъ кабатчикомъ, самъ онъ не могъ вспомнить адреса молодого Джонса. Въ тюрьмѣ онъ знакомится съ однимъ карманникомъ-воромъ, который предлагаетъ ему сотрудничество, гдѣ Жоржисъ является дѣйствующей силой, а онъ руководителемъ. Оба пріятели начинаютъ работать вмѣстѣ; авторъ знакомитъ читателя съ воровской организаціей и особенно указываетъ на сообщество полиціи съ арміей преступленія и порока.

Жоржисъ на этомъ полприщѣ завязываетъ знакомство съ вожаками правительственной партіи. Благодаря содѣйствію своихъ покровителей, онъ снова поступаетъ на фабрику консервовъ, на этотъ разъ въ качествѣ подмастерья; измѣняетъ «Союзу труда», членомъ котораго онъ состоитъ, въ пользу своего хозяина, играетъ роль борца со стачками за хорошее вознагражденіе. Потомъ, когда работа налаживается, жалованье ему уменьшаютъ; въ сердцахъ онъ оставляетъ фабрику и снова впадаетъ въ нищету. Въ этомъ состояніи онъ попадаетъ въ общество социалистовъ. Одинъ изъ вожаковъ партіи въ Чикаго, владѣлецъ гостиницы для пріѣзжающихъ, беретъ Жоржиса въ качествѣ дворника, на самомъ же дѣлѣ какъ активнаго агента пропаганды. Гостиница эта служитъ мѣстомъ собранія коллективистовъ. Передъ этой публикой Жоржисъ можетъ въ полное свое удовольствіе развернуть свое знакомство съ условіями работы на фабрикахъ Пэккинптоуна и отъ глубины души ругаетъ «бычій трестъ». Онъ объявляетъ тресту и «Обществу капиталистовъ» борьбу не на животъ, а на смерть.

Послѣдняя сцена «Джунглей» описываетъ прогрессъ социализма на муниципальных выборахъ въ 1903 году, увѣренность «товарищей» въ будущемъ завоеваніи политическаго могущества, намѣреніе стойко держаться тактики организаціи массъ.

Такова канва романа Синклера. Только на послѣднихъ страницахъ онъ трактуетъ открыто о доктринѣ социализма. Большая часть книги есть обвинительный актъ, слѣдствіе противъ современнаго общества, осужденнаго въ его дѣяніяхъ, въ той физической и нравственной нищетѣ, которую налагаетъ на своихъ жертвъ капиталъ.

Если бы эмигранты Европы могли прочитать книгу Синклера, можетъ быть, они не торопились бы эмигрировать въ Америку, гдѣ борьба за существованіе слишкомъ жестока.

Нѣкоторыя обвиненія, брошенныя Синклеромъ, преувеличены, но нѣкоторыя, къ несчастію, справедливы. Вотъ, на примѣръ, выдержки изъ рапорта уполномоченныхъ президента:

Полъ въ стойлахъ сдѣланъ преимущественно изъ плитокъ, не скрѣпленныхъ цементомъ, такъ что промежутки забиваются грязью и навозомъ. Чистка — невозможна; въ зависимости отъ сезона — то кучи пыли, то зловонныя лужи. Віадуки, платформы — изъ дерева. Телята, свиньи, бараны, подохшіе во время пути, лежатъ на платформахъ, гдѣ сгружаютъ скотъ; на одной платформѣ мы замѣтили пятнадцать

свиней, павшихъ во время перевозки. Ихъ оставляютъ такъ, потому что уборка дорого стоитъ. Синклеръ рассказываетъ, что палыхъ животныхъ смѣшиваютъ съ убитыми. Бойни строились, не считаясь съ требованіями свѣта и воздуха; за исключеніемъ мастерскихъ, расположенныхъ въ верхнихъ этажахъ, все остальное темно и сыро: требуется искусственное освѣщеніе все время, пока работаютъ. Въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ не имѣется наружныхъ оконъ. Другія зданія, хотя и большія, помѣстительныя, полны воздуха, тѣмъ не менѣе до такой степени загажены, до того грязны, что и тамъ нуженъ электрическій свѣтъ. Нѣтъ систематической вентиляціи. Рабочіе вынуждены работать въ тяжелой парной атмосферѣ, сдобренной вонью гнющаго дерева, испорченнаго мяса и остатковъ въ состояніи разложенія. Огромные столы, на которыхъ рабочіе манипулируютъ надъ мясомъ, тачки, посуда, лохани—въ большинствѣ случаевъ изъ дерева. Стѣны покрыты слоями жира, запачканы кусками мяса. Лопаты деревянные, топоры, ножи, пилы въ дурномъ состояніи, не поддающемся чисткѣ. Особенную небрежность и полную безпечность съ точки зрѣнія гигиены являютъ собою отхожія мѣста и ихъ расположеніе. Обыкновенно они помѣщаются тамъ же, гдѣ работаютъ: невысокая перегородка отдѣляетъ уголь помѣщенія; нѣтъ даже воды, чтобы вымыть руки. Эти кабинеты служатъ одновременно мѣстомъ для смѣны платья.

Безполезно продолжать описаніе. Синклеръ даетъ еще болѣе отвратительныя детали касательно фабрикаціи народной колбасы изъ испорченнаго мяса, переработаннаго при помощи химическихъ ингредиентовъ для того, чтобы уничтожить запахъ и дать мясу розовую окраску. Понятно, что коммиссія обратила вниманіе Рузвельта на опасность. Президентъ сообщилъ предварительный рапортъ уполномоченныхъ на конгрессѣ 4-го іюня. Онъ требуетъ выработку законодательства, гарантирующаго серьезный надзоръ за бойнями и фабриками консервовъ; положеніе тѣхъ и другихъ въ Чикаго возмутительно, потребны коренныя измѣненія.

* * *

Что намъ читать? Въ Парижѣ ^{*} на дняхъ вышла очень интересная книга Анри Мазеля: «Ce qu'il faut lire dans sa vie».

Всѣмъ уже со школьной скамьи извѣстенъ тотъ канонъ всемірной литературы, начинающійся Библией и Гомеромъ и далеко еще не кончающійся именами великихъ классиковъ, прочитатъ который вмѣняется въ обязанность каждому.

Поэтому по окончаніи училища молодые люди раздѣляются на двѣ половины. Одни, вкусивъ отъ этого плода, предполагаютъ въ качествѣ филологовъ и историковъ найти еще болѣе наслажденій въ этомъ канонѣ; и вотъ черезъ два-три семестра эта наука вошла въ ихъ плоть и кровь, они дѣлаются слѣпыми ко всему окружающему и замыкаются отъ всѣхъ въ своей узкой спеціальности. Другіе же съ головой окунаются къ практическую жизнь, и она властно захватываетъ ихъ въ водоворотъ повседневныхъ работъ и волненій. Много лѣтъ спустя они чувствуютъ утомленіе отъ этой неумолкаемой сутолоки и у нихъ является потребность прочитатъ что-нибудь хорошее. Но что читать? Они обращаются къ первому попавшемуся указателю по литературѣ, и какое разочарованіе! Тамъ на первомъ планѣ они снова находятъ